

А.С.Ахиезер
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ И
ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАЕМОСТИ ОБЩЕСТВА

Ахиезер Александр Самойлович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования.

1. Проблема цивилизационного выбора в современном мире

Категория цивилизации не только выделяет страну или группу стран из мировой истории, но и включает их в историю, представляя каждую цивилизацию как форму и этап мирового исторического процесса, как его особую конкретизацию. Историю человечества можно рассматривать как смену цивилизаций – особой формы социокультурной общности. Тем самым цивилизационный подход нацелен не только на выявление специфики каждой цивилизации, но и на анализ их единства в масштабе мировой истории. «Каждый миг исторического времени имеет некоторую ценность в себе и некоторую уникальную связь с целостностью истории и с объемлющей эту целостность Вечностью¹³. Этот подход позволяет понять необходимость диалога между цивилизациями, анализа не только их взаимоотталкивания, но и взаимопроникновения.

Осознание единства цивилизаций в мировой истории представляется крайне важным для понимания судеб российского общества.

Анализ любой цивилизации требует исследовать потенциал развития, способность людей, составляющих данную общность, к собственному воспроизводству, поиску и изменению своего места в мировом историческом процессе. Это неизбежно предполагает обращение к общеисторическим механизмам динамики общества.

По сути дела особая цивилизация и история есть два полюса механизма исторической динамики человечества. История человечества включает процесс усложнения реальности и подлежащих разрешению проблем. Это

¹³ Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки по философии истории. – М., 1999. – С.28.

означает, что каждая цивилизация должна повседневно сдавать экзамен на выживаемость, выдержать который в усложняющемся мире становится труднее. Гибель большинства известных науке цивилизаций с полной очевидностью свидетельствует об этом. В таком мире могут существовать лишь те цивилизации, которые способны отвечать на усложнение проблем своевременным усилением способности формулировать и решать эти проблемы. Причем речь идет не только о способности ограниченного круга людей, например, высшего руководства страны, но и обо всех значимых для общества группах.

Уровень способности решать сложные проблемы не является величиной раз навсегда заданной, неизменной. Она включает и способность к саморазвитию, усилению своего потенциала, который существенно различен в разных цивилизациях. Для России главная проблема – найти пути усиления массовой способности эффективно решать жизненно важные проблемы, обеспечивать свою выживаемость, жизнеспособность в усложняющемся мире. Все другие проблемы (например, касающиеся экологии, терроризма, здоровья населения и т.д.), какими бы важными они ни были, сами являются аспектами этой всеобъемлющей суперпроблемы.

В советский период была сделана попытка повысить эффективность функционирования общества путем построения новой советской цивилизации. Однако, во-первых, представления о советском обществе как новой цивилизации основывались на нефункциональной иллюзии исторической “необходимости”, которая якобы предполагает “неизбежный” переход от капитализма к социализму. Эта точка зрения включает представление о внешней, заданной человеку силе, определяющей его поступки, деятельность, ценности. (Именно так полагали в древние времена, когда человек свой собственный поступок объяснял действиями тотема). Во-вторых, хотя в России были элементы капитализма, однако в стране он никогда не был господствующим укладом. Признание этого факта подрывает обоснование социализма теорией общественно-экономических формаций, даже если на секунду признать ее единственно правильной. В-третьих, главной силой выступающей против развития товарно-денежных отношений, было традиционное крестьянство, занятое в натуральном хозяйстве. Эти “революционные массы” пытались повернуть страну не на путь

“послекапиталистического развития”, как нас уверяли советские идеологи, а на путь возврата к догосударственной архаике, к уравнительному натуральному хозяйству. Стремление крестьян к рынку не шло дальше местного базара. У них речь шла “о местном рынке”. Крестьяне по-прежнему решительно выступали против “чужих”, “спекуляции”, проводя различие, прекрасно совпадающее с тем, которое проводит между рынком и капитализмом Бродель”¹⁴. Все это показывает, что большевизм не смог даже приблизиться к пониманию сути проблемы цивилизационного выбора для страны, что в конечном итоге обусловило крах большевистского неорганического, эклектического, внутренне разрушительного проекта.

Опыт советской истории свидетельствует, что решение проблемы суперцивилизационного выбора в России требует ответа на ряд сложных теоретических вопросов, а также возможности и способности воплотить этот выбор. По сути это совпадает с задачей формирования эффективного, жизнеутверждающего проекта для России. Реальным общественным субъектом является личность. Однако люди объединяются в сообщества, каждое из которых выступает как субъект различных социокультурных процессов, формулирует свои решения и программы деятельности. В этом случае субъект рассматривается как общность людей в противоречивом единстве их (суб)культуры и отношений, как носитель способности воспроизводить себя вопреки опасностям, угрозе дезорганизации, разрушения субъекта, снижения эффективности воспроизводственной деятельности.

Неэффективная работа воспроизводственных механизмов приводит к гибели соответствующих (со)обществ-субъектов. Однако это не происходит автоматически. Общественные субъекты всегда обладают массовой способностью противостоять опасностям, дезорганизации, гибели. Если эта способность не обеспечивает необходимого уровня выживаемости, сообщество, в том числе цивилизация, вступает на путь дезорганизации, приобретает патологические формы, необратимо сползает к катастрофе.

¹⁴ Грациози А. Великая крестьянская война. Большевизм и крестьяне 1917–1933. – М., 2001. – С.26–27.

2. Механизм суперцивилизационного предпочтения

Существует распространенное мнение, что деятельность и мысли человека диктуются противостоящим ему и властвующим над ним обществом, которое через адаптацию становится содержанием личного Я. Однако эта абстракция обладает лишь ограниченной истинностью. Когда, например, россияне обсуждают судьбы страны или мира, они явно или неявно стремятся к изменению самого общества. Стремление адаптироваться к обществу проявляется, таким образом, одновременно со способностью общественного субъекта адаптировать общество к своему проекту, к своим решениям, сформулированным в формах сложившейся культуры. Так, восстававшие в Средние века крестьяне стремились восстановить уравнилельные отношения, изменить соответствующим образом характер власти или совсем уничтожить государство. Вообще в процессе адаптации к обществу человек имеет дело со сложившейся реальностью, тогда как попытка адаптировать общество к программе формирования будущего требует еще и эффективного, реалистического проекта, предусматривающего изменения отношений людей и соответствующей (суб)культуры, единства того и другого. Эта задача на порядок сложнее, чем адаптация к сложившимся отношениям. Решается она прежде всего средствами культуры.

Все это можно описать и иным образом. Любое (со)общество, будучи источником, носителем самоизменения, является субъектом. (Суб)культура – всегда функция субъекта и не существует без него, точно так же как субъект не существует без своей (суб)культуры. Каждое общество, каждая цивилизация возможны лишь как субъекты своей собственной субкультуры. Воспроизводство всегда существует как функция субъекта, она есть его сущностное самовыражение. Так, субъект обеспечивает свою выживаемость, т.е. не только определенную целостность, единство культуры и отношений людей, но и способность воспроизводить самого себя, повышать свою жизнеспособность. Распаду субъекта противостоит воспроизводимый им базовый консенсус, позволяющий людям соединиться в некое сообщество-субъект.

Способность к выживанию может существовать в явной, осознанной форме, однако на протяжении большей части истории она существовала в скрытой форме, обнаруживая себя, например, в форме ритуализированных

ритмов. Эта способность не является физиологической категорией, получаемой нами от природы. Она представляет собой культуру соответствующего общественного субъекта и должна находиться в центре его внимания, а также в поле зрения исследователя. На первый план выходит необходимость анализа этой способности, и прежде всего – способности повышать эффективность программ и решений по мере усложнения социальной реальности.

Особую актуальность такое изучение приобретает тогда, когда эффективность деятельности общественного субъекта снижается до критического уровня. Осознание этой опасности должно породить у общества озабоченность, заставляя искать пути повышения эффективности деятельности (впрочем, так бывает не всегда, – вера в тотем, в божество, даже в Запад и т.д. может, уменьшив озабоченность, привести к губительной беззаботности). Здесь поиск цивилизационных предпочтений является обобщающей формой поисков выхода из кризисного состояния.

Почему, однако, возникает сама проблема цивилизационной альтернативы как собственной проблемы субъекта? Тривиальная констатация, что для формирования эффективных программ воспроизводства необходимо знать механизмы истории, оказывается недостаточной. Нужен ответ на вопрос о способности к более глубокому пониманию смыслов, возможно даже – к переосмыслению самой логики смыслообразования. Требуется объяснение самого факта существования любого социокультурного (со)общества, так как все явления, в том числе социокультурные, находятся в сфере действия энтропии, разрушающей соответствующие отношения, культуру. Необходимо исследование механизма сохранения, существования и развития социокультурных явлений в условиях действия энтропии. Механизм этого процесса изучается социокультурной теорией, рассматривающей способность общества-субъекта обеспечивать свою *выживаемость, жизнеспособность*, вопреки угрозам, идущим от его собственной деятельности, от энтропийных процессов усложняющейся реальности.

Этот подход требует анализа механизмов культуры. Как организованная концентрация накопленного исторического опыта субъекта она выступает не только как совокупность *смыслов*, но в процессе движения мысли переходит из одной формы в другую. Культура резюмируется в форме *программы* воспроизводственной деятельности, выступая основой непосредственного

воспроизводственного процесса. Превращение культуры в развернутую программу происходит в виде множества решений. *Решение* есть переосмысление, фокусация в одной точке всех явных или скрытых модальностей (суб)культуры соответствующего субъекта. Ее последующее развертывание, конкретизация служат основой для последующего культурного синтеза. Реализация скрытого потенциала культуры приводит, по крайней мере в тенденции, к целостному изменению человека и мира, субъекта и объекта, культуры и человеческих отношений. На этой основе можно говорить об *эффективности* (суб)культуры субъекта, культурной программы, решений, в конечном итоге – об эффективности воспроизводственного процесса субъекта, обеспечения его выживаемости. Через категорию эффективности раскрывается органическая связь между содержанием (суб)культуры, всей воспроизводственной деятельности и способностью субъекта к выживаемости, к противостоянию опасностям, катастрофам.

Россия за время своей истории с начала государственности пережила четыре национальных катастрофы, объясняемые недостаточной способностью к предотвращению раскола, разрухи, внутренней неустроенности. Ей катастрофически недостает способности решать свои усложняющиеся проблемы. Об этом можно судить, исследуя узловые пункты превращения культуры в социокультурную реальность. Например, битва при реке Калке (1223) была проиграна, так как князья галицкий, черниговский и киевский не смогли договориться о едином командовании, т.е. минимально необходимой организации жизненно важных решений. Никаких уроков из этого извлечено не было, а поражение было списано по статье “кара Божия”. Это не случайный эпизод, а традиция, существовавшая, правда, наряду с противоположной. Ее можно проследить на протяжении истории войн вплоть до русско-японской и чеченской, где ведомственность мешала установлению единого руководства, принятию эффективных решений. Другой пример. “Реальная управляемость предприятий довольно низка. Исполняемость заданий у нас обычно не превышает 60%. Вина исполнителей в столь слабой управляемости чаще всего не выше, чем количество просчетов, ошибок, содержащихся в самих решениях. Руководители об этом не подозревают”¹⁵. Одновременно всю систему

¹⁵ Пригожин А.И. Реформы спотыкаются о менеджмент // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 4. – С.58).

управления нельзя не квалифицировать как дезорганизованную. Иногда до 70% решений принимаются не руководителями среднего звена, а централизованно. Это объясняется тем, что “руководитель стягивает на себя максимальный объем связей, решений, ответственности, принимая решения, которые входят в компетенцию “нижестоящих” уровней и вознося централизацию за грань собственных возможностей”¹⁶. Иначе говоря, мы не только не знаем в каком обществе живем, мы не знаем, как эффективно противостоять его дезорганизации, как противодействовать дезорганизации исторического процесса. Мы не знаем механизма развития и реализации способности общества, социокультурного субъекта воспроизводить себя, обеспечивать свою выживаемость, конкретно-исторические границы и последствия снижения этой способности.

Важнейшим аспектом этого механизма является *инерция истории*, т.е. накопленный, организованный и санкционированный в культуре опыт, следование которому представляет собой наиболее простую задачу для осваивающего его субъекта. Длительное накопление такого опыта создает предпосылки для его ритуализации, сакрализации, абсолютизации. Его освоение и воспроизводство может оказаться неотделимым от выживаемости, от существования соответствующего субъекта. Если субъект действует на основе исторической инерции, то это означает, что он стремится постоянно повторять, воспроизводить давно сложившуюся программу как оправдавшую себя, обеспечивающую выживаемость. Господство такого типа воспроизводства позволяет говорить о доминировании традиционной культуры, традиционной суперцивилизации.

В этом можно видеть первый фундаментальный ответ на вопрос о том, как социокультурный субъект воспроизводит себя, как обеспечивает свою выживаемость. Субъект существует, потому что уже существует, затрачивает свой производственный потенциал для того, чтобы поддерживать, воспроизводить эту историческую инерцию. В этом же направлении работал исторически сложившийся психологический механизм, который накапливал представления об эффективных стереотипах решений, что, однако, и являлось мощнейшей преградой на пути более эффективных, более сложных решений.

¹⁶ Там же, С.57.

Российское общество, подобно, впрочем, всем или почти всем другим, возникло как традиционное и на протяжении большей части истории воспроизводило себя преимущественно на основе исторической инерции. Однако здесь необходимо важное уточнение. Воспроизводство социокультурного субъекта не имеет аналогов в биологическом мире. Его специфика в рефлексивном характере, т.е. в способности превращать саму способность к формированию эффективных программ и решений в предмет собственной озабоченности. Именно здесь находится фокусная точка, где должна и может решаться (но может и не решаться) проблема необходимого уровня массовых способностей, формирования эффективной программы и решений, обеспечивающих воспроизводство, выживаемость. Но путь традиционного общества в этом направлении оказывается труден. Господствующее в нем массовое инерционное мышление, идеальное в условиях неизменного мира, служит инструментом статичного воспроизводства деятельности людей, приспособленных к исторически сложившимся ритмам, их неизменности. Такое мышление реагировало на мир как на переплетающиеся неизменные ритмы. Они могли вызывать эмоциональную реакцию на дискомфортные обстоятельства. Этот мир мог существовать, пока не разрушался новыми явлениями усложняющейся действительности из-за недостаточной способности отвечать на возникающие опасности – например, на усиление соседей, с которыми резко обострились враждебные отношения, на рост населения, усиление внутренних конфликтов, дезорганизацию, интеллектуализацию других народов, на их опережающий рост и т.д.

Фундаментальная проблема России заключается в необходимости изменить соотношение между стремлением адаптироваться к настоящему (возможно, к статичному идеалу прошлого) и стремлением изменить общество в соответствии с новым проектом, найти такое соотношение между тем и другим, которое создавало бы наилучшие предпосылки для решения усложняющихся проблем. Это соотношение может меняться крайне медленно. Например, в древности, по исследованиям Б.Ф.Поршнева, рост эффективности орудий труда происходил незаметно, на протяжении жизни поколения. Возможны, однако, и относительно быстрые по историческим меркам попытки изменить общество в соответствии с архаичными программами, т.е. попытки вернуться к древнему,

статичному идеалу¹⁷. Одновременно возможны попытки моментально перестроить общество в соответствии с утопическим идеалом будущего, хотя практически они оказываются лишь переряженной архаизацией.

Поиск наилучшего соотношения между воспроизводством старого и движением к новому в России сильнейшим образом затруднен существующим расколом по поводу основополагающих принципов формирования социальных программ¹⁸. Одни проекты ориентированы на ценности традиционного типа, другие тяготеют к либерально-модернистским ценностям, воплощающим то ли вековую мечту человечества, то ли рациональное знание о том, как повысить эффективность воспроизводства общественного субъекта, спасти общество от подстерегающих его катастроф. Однако само понимание сути такого выбора в российском обществе затруднено прежде всего поверхностным пониманием советского опыта решения проблемы. Этот опыт не был понят как цепь напряженных попыток реализовать различные комбинации существующих в культуре нравственных принципов, типов различных массовых программ деятельности, попыток, обнаруживших свою противоречивую, взаиморазрушительную суть. Формируемый сегодня в обществе проект должен в обобщенной форме дать ответ на вопрос о выборе между традиционной и либерально-модернистской суперцивилизациями.

В современном мире анализ различий между цивилизациями требует сравнительной оценки их способности к принятию все более эффективных решений, т.е. к переходу от статичных ценностей к динамичным. Единство всех цивилизаций в масштабах человечества означает, что каждая из них реально и потенциально обладает способностью к саморазвитию, к превращению развития в ценность, хотя и в разных масштабах. Любая цивилизация имеет шанс не оказаться в ряду катастрофически отставших, встать на путь напряженного развития собственных способностей. Анализ цивилизации в ее статике как независимой от мира имеет все меньше смысла.

Иными словами, цивилизационная альтернатива возникает в условиях выбора либо адаптации к сложившемуся миру, его идеализированным образам и идеалам, либо ориентации на проекты, решения, изменяющие культуру, систему

¹⁷ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. – М., 2001. – № 2.

отношений, на выход за исторически сложившиеся рамки. Возможность перехода разнообразных обществ, цивилизаций от традиционной суперцивилизации к либерально-модернистской основана прежде всего на стимулировании в любой цивилизации, в каждом без исключения обществе способности к саморазвитию. Этот переход, хотя и должен учитывать мировой опыт во всем его разнообразии, тем не менее может иметь успех лишь в том случае, если общество будет нацелено на реализацию собственного потенциала, своей специфики, самобытности (а не на буквалистское копирование чужих образцов, например, в форме вестернизации). Но при этом должно соблюдаться непереносимое условие – взвешенное перемещение приоритетов от следования исторической инерции к ее критике. Глубинный смысл перехода к новой цивилизации – в превращении ценности саморазвития в определяющую. Проблема, однако, заключается в том, что этот процесс происходит не как реализация заданной “исторической необходимости”, а лишь в той степени, в какой люди осознают это как свою потребность, превращают ее в содержание своих решений. Причем на разных уровнях общества, у разных субъектов, в разных субкультурах потребность и способность к этому существенно различны и даже противоположны, что может привести к социокультурному конфликту, повернуть вектор процесса в противоположную сторону – к архаизации, к массовому насилию в разных формах.

3. Поиск меры инерции и критики истории

Защиту прошлого, противостояние новизне как в России, так и в других странах можно представить в виде аргументов, обобщающих опыт традиционализма. Важнейший из них заключался в том, что старина на оправдала себя, если ее опыт апробирован на протяжении длительных исторических этапов. Это ведет к дальнейшему воспроизводству традиционной культуры, сохранению соответствующих представлений о ее условиях, средствах и целях. Другой довод состоит в том, что даже частичный отход от сложившейся культуры может привести к утрате таких ее элементов, которые существенно ослабляют исторически оправдавшие себя программы, жизненно важные для воспроизводства, для выживаемости. Идеал неизменности

¹⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2-х тт. – Новосибирск, 1997–1998.

воплощен в известной идее традиционализма – “хотим жить, как жили наши деды”, в идее Карамзина, с которой он обратился к Александру I: “Всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости”. Подобные идеи в разных формах шли через века, неся в себе инерцию истории. Значение, смысл исторического опыта традиционализма невозможно игнорировать.

Для того чтобы доказать, что ориентация на изменения правомерна и необходима, должны выдвигаться не менее убедительные аргументы. Они также могут быть сформулированы на основе обобщения мирового исторического опыта. Во-первых, исторический опыт российской государственности до 1917 г. показывает, что преобладание традиционной культуры не стало гарантией от попыток реформ, кардинальных инноваций, включая либерально-модернистские. Это нарастающее стремление искать выход, обращаясь к либерально-модернистским ценностям, не зависело или мало зависело от характера власти. Даже большевизм, пришедший к власти на мощной волне активизирующейся архаики, подавившей либерализм, вопреки этой своей социокультурной основе, в кризисных ситуациях пытался делать уступки массовому утилитаризму и либерализму, открыть путь конструктивным инновациям, невзирая на опасность враждебной реакции со стороны мощных сил традиционализма. Исторический опыт советского периода ясно доказывает, что осознанный поиск конструктивных изменений абсолютно необходим по мере усложнения проблем, даже в условиях господства сил, противостоящих инновациям. Во-вторых, решающий аргумент в пользу жизненной необходимости ориентации на изменения заключается в том, что сохранение общества в неизменном состоянии, как это ни парадоксально, опирается на его способность к изменениям. Именно в этой важной закономерности заключены сущностное единство человеческой культуры, основа ее бесконечного разнообразия. Общество, нацеленное на неизменность, тем не менее живет в условиях перемен, хотя они могут происходить в относительно узком диапазоне, практически не поддаваясь рефлексии. Это означает, что человек может жить в таком обществе, воспроизводить его культуру, систему отношений только в одном случае, – если он в состоянии сам изменяться таким образом, чтобы сохранять и развивать свою способность поддерживать на

достаточном уровне эффективную деятельность в усложняющемся мире. Эта задача распадается на множество аспектов.

Проблема способности субъекта воспроизводить себя на неизменной и одновременно на изменяющейся основе, ввиду своей сложности и важности, требует категориального осмысления. В самой способности общества воспроизводить себя на неизменной основе можно увидеть некоторый парадокс. Строго говоря, постоянное воспроизводство социокультурного субъекта на основе сложившегося стереотипа решений возможно лишь в одном случае, – при неизменности условий, средств, целей, при неизменности человеческой реальности. Мир, однако, устроен иначе. Энтропийные процессы не позволяют надеяться, что такой мир может существовать. Как раз наоборот: он непрерывно изменяется. Правда, изменения могут быть ниже порога того, что в соответствующей (суб)культуре начинает ощущаться как инновация. Любой общественный субъект постоянно является объектом воздействия неосвоенных им внешних и внутренних сил, которые в усложняющемся мире все более воспринимаются как инновация, тождественная опасности. Это может выражаться в бесконечном множестве форм: во вторжении враждебных соседей, в опасных экологических процессах, эпидемиях, стихийных бедствиях, конфликтах, вспышках, индивидуальных и массовых психозов и иллюзий и т.д. Таким образом, инерция истории, хотя и является необходимым условием воспроизводства, но не становится достаточным основанием для теоретического объяснения механизма воспроизводства традиционного общества. Налицо противоречие между ориентацией на статичность и необходимостью адекватно отвечать на значимые внешние и внутренние вторжения в человеческую реальность, опасности, угрозы для воспроизводства и выживаемости. В существовании этих не фиксированных культурой инноваций и коренится возможность воспроизводства традиционного общества, традиционных субъектов, способных воспроизводить себя. Однако граница между этими инновациями может меняться.

История общества включает дифференциацию отношений людей, рост социокультурного разнообразия, что требует нового этапа интеграции, включающего результаты дифференциации. Все это можно квалифицировать как *усложнение* общества и проблем, подлежащих разрешению. Усложнение всегда составляло элемент жизни и деятельности человека. Например,

появление у славянских племен лошади “привело к созданию новой, усложненной картины мира”¹⁹. Историки начинают больше обращать внимание на сложность как фактор истории. Возрастание сложности – результат человеческой деятельности, хотя нельзя игнорировать абсолютно независимых от нее факторов, например, космических процессов, угрожающих человечеству близкими и отдаленными катастрофами. При этом процесс усложнения человеческой реальности несет в себе опасность снижения эффективности воспроизводственной деятельности, порождая опасность дезорганизации и перерастания ее в катастрофу, угрозу для выживаемости (со)общества-субъекта, страны и даже человечества. Национальные катастрофы России во всех случаях были результатом существенного усложнения проблем, способности к решению которых стране явно нехватало. Опыт человечества свидетельствует: в будущем проблемы будут усложняться еще более высокими темпами и, следовательно, есть основание ожидать новых, более серьезных опасностей.

Определенное единство сообществ, ориентированных на статику и динамику, означает, что, по крайней мере теоретически, возможен переход между этими различными типами сообществ-субъектов, различными типами суперцивилизаций. Это открывает возможность замещения институтов традиционного сообщества институтами, способными искать потенциал выживаемости уже не только в инерции истории. В этом заключается второй важный вывод из анализа механизма выживаемости после вывода о значении исторической инерции.

Историческая инерция, несущая в себе программы выживаемости, может стать основной для воспроизводственной деятельности субъекта лишь при условии, если запечатленный в культуре опыт исторически накопленных решений *осваивается* субъектом. Такое освоение не есть простое и непосредственное заимствование, как, например, попытка занять у соседа ложку соли. Этот процесс есть *интерпретация* – не прямое заимствование, не просто *экстраполяция* смысла одного субъекта в голову другого, хотя достаточно часто дело представляется именно так.

Освоение происходит через интерпретацию, старый фиксированный в культуре опыт, который, становясь содержанием движения мысли субъекта,

¹⁹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1994, С.36.

воспринимается не буквально, “дословно”, но как некоторая абстракция, нуждающаяся в процессе освоения в дальнейшей *конкретизации* и *переосмыслении* в соответствии со сложившимся на момент интерпретации представлениями о смысле, его модальностях, знанием об условиях, средствах, целях субъекта. Этот процесс не сводится к экстраполяции ранее накопленных представлений на новую ситуацию, даже если речь идет о том же самом субъекте. Это обстоятельство является фундаментальным для понимания и объяснения механизма функционирования социокультурного субъекта, развития его способностей.

Таким образом, проблема следования накопленному веками историческому опыту может быть правильно понята лишь при условии анализа методологии смыслообразования, места и роли культуры в общественном воспроизводстве. Воспроизводство не редуцируется к материальным процессам, к технике, технологии. Оно определяется способностью субъекта эффективно интерпретировать старый смысл. Этот подход основан на углублении понимания человеческого воспроизводства как имманентно несущего в себе творческое движение мысли, превращение освоенного опыта в предпосылку новых, все более эффективных программ, решений.

Итак, инерция истории не может рассматриваться как некая разновидность механической инерции, пусть и усложненной. Если всякое осмысление переходит в переосмысление, экстраполяция – в интерпретацию, то инерция истории (как вообще любой переход смысла от одного субъекта к другому) всегда есть формирование большей или меньшей степени новизны. Здесь налицо важная закономерность традиционной культуры. Противостояние новизне выражается в стремлении отказать ей в признании, рассматривать новое как форму старого. В этом культурное основание аксиомы традиционализма, что всякое новое есть хорошо забытое старое. В обществе традиционного типа, в особенности не вышедшего за рамки архаики, сама картина мира представляется неизменной. Здесь способность фиксировать новое ограничена, сохраняется принцип “вижу лишь то, что уже знаю, что фиксировано в моих сложившихся представлениях”. Значимые новые явления здесь рассматриваются, как известные, а все, что не укладывается в старые смыслы, осмысляется как результат деятельности сил зла, сил, которые создают непонятное, не укладывающееся в сложившуюся картину мира. Так

традиционное сознание воспринимает, например, дебаты между либералами. Они рассматриваются как форма обмана. Вспомним булгаковского Шарикова, который теоретические рассуждения считал “контрреволюцией”. Противостояние традиционализму требует развития способности видеть качественно новое, а не только различать то, что всем известно (известно ли?). В свете понимания того, что всякое осмысление переходит в переосмысление, всякая экстраполяция – в интерпретацию, на первый план должен выходить поиск специфики явления, точнее, меры его специфики.

Любые формы записи культуры, от их фиксации на бумаге до орудий, домов и т.д. существуют лишь как возможность для культуры, для ее реализации человеком, а это происходит лишь в процессе ее освоения, распределечивания. Парадокс, следовательно, заключается в том, что культура достигает эффекта неизменности через переосмысление, интерпретацию, т.е. через самоизменение человека, воспроизводимых им смыслов. Эффект же неизменности стимулируется опасением человека утратить фиксированные в культуре эмоционально-ритуализированные ритмы. Неизменность традиционного типа достигается через самоизменение в тех формах и масштабах, в которых эта неизменность задана в культуре как некий норматив.

Отсюда важнейший вывод, игнорируя который невозможно понять сущность культуры и истории. Историческая инерция есть лишь один аспект движения между “вчера” и “сегодня” культуры, деятельности, истории. Другая сторона этих процессов – *критика* ранее сложившегося исторического опыта, критика культуры, истории смыслов. Она воплощается не только в формах теоретической критики, но и в формах повседневной деятельности людей, которая постоянно, подчас через незаметную интерпретацию, подвергается изменениям. Критика исторически сложившихся смыслов, критика опыта не есть чисто негативный процесс, сметающий накопленную культуру. Эта была бы не критика, а погром. Критика выявляет изначальную противоречивость культуры, открывает путь для новой парадигматики, для поиска нового основания последующего осмысления и переосмысления.

Способность к критике вместе со способностью воспроизводить инерцию истории составляет дуальную оппозицию. На каждом историческом этапе оценка субъектом любого явления возможна как определение меры соотношения между этими полюсами. Повышение эффективности осмысления

требует смещения этой меры в сторону критики исторически сложившихся смыслов, критики исторического опыта. Именно движение в этом направлении и открывает реальную возможность превращения цивилизационной альтернативы в предмет теоретического переосмысления, практического воплощения. Критика – столь же необходимый ракурс человеческой деятельности, как и историческая инерция. Они неотделимы друг от друга и вместе составляют аспекты единой деятельности, порождающие бесконечные сочетания неизменности и изменений.

Способность к самоизменению включает оба аспекта. В каждый отдельно взятый момент времени они могут отличаться формами, масштабами, глубиной. То обстоятельство, что человек по своей социокультурной сути способен к самоизменению, позволяет понять, что между сообществами разных народов, цивилизаций, эпох существует не только сущностное единство. Оно реализуется через потенциал открытости, способности формировать более высокий потенциал самоизменения. Это предполагает взаимопроникновение между странами, сообществами, цивилизациями, наличие взаимного опыта в воспроизводстве исторической инерции, в ее критике, установлении соотношения между ними. Секрет человеческой выживаемости лежит в сфере культуры, в сфере развития способности к поиску меры изменчивости и неизменности. Вопрос, который чрезвычайно волнует традиционалистов, носителей воспроизводства на основе неизменного культурного абсолюта, – где основания для изменения исторически сложившихся представлений о господстве неизменности? В странах традиционной суперцивилизации, а также в России, распространено убеждение, что все попытки поколебать сложившийся порядок, отойти от абсолютного идеала (в принципе неважно какого) – результат враждебных происков мирового зла.

Однако исторический процесс, воспроизводство нельзя понять, если игнорировать меру способности субъекта к осмыслению усложняющегося мира. Механизм осмысления значимых инноваций в истории – необходимая предпосылка формирования эффективных программ деятельности. Развитие массовой способности подниматься на новый уровень осмысления реальности, обеспечивая тем самым выживаемость, представляет собой внутренний аспект самого исторического процесса. Его изучение может проводиться двумя путями: через анализ развития культуры и через исследование отношений

людей, отношений внутри сообществ-субъектов, отношений между ними в масштабе общества. Культура и отношения не тождественны (вопреки распространенной в социологии точке зрения). Возможны несоответствия, противоречия между содержанием культуры и ее превращением в отношения, между программами и их реальным воплощением. Можно лишь позавидовать обществам, где это расхождение обычно не является угрожающим и не вызывает дезорганизацию. Анализ исторического опыта России показывает, что значимые проекты первых лиц российской истории есть цепь крушений, а значит – личных трагедий для этих лиц. Опыт этих неудач должен был бы – в условиях возрастания потребностей и усложнения общества – пролить свет на механизмы социокультурных процессов. Однако последующие реформаторы всегда оказывались не в состоянии сделать выводы из прошлых неудач.

4. От культурологии к социокультурному исследованию

Содержание цивилизационного перехода, качественный сдвиг цивилизационного масштаба основан на сдвиге в культуре соответствующего субъекта – культуре значимых групп, (со)обществ. Сам переход должен стать предметом исследования: переход из одной формы реальности в другую, переход между цивилизациями, переход от осмысления к переосмыслению и обратно, от зла к добру и обратно и т.д. до бесконечности. Возникает особый предмет изучения – смыслообразующая сфера *между*, где разворачивается диалогическая логика этого перехода – логика формирования меры, перехода от ранее сложившейся логики к логике, способной создавать основу для мышления, решений в более сложном мире, перехода в новое логическое пространство, без чего невозможен переход к иной цивилизации. Именно в этой сфере и раскрывается механизм динамики общества, диалектика переходов в ее разнообразных формах.

При анализе механизма перехода максимальный интерес представляют не только и даже не столько крайние полюсные идеальные состояния, полюса дуальной оппозиции, например, полюс идеального функционирования и полюс полного развала (со)общества. Анализ переходного состояния есть анализ движения между полюсами, сферы формирования “срединной культуры”²⁰.

²⁰ Давыдов А.П. “Духовной жаждою томим”. А.С.Пушкин и становление “срединной культуры” в России – Новосибирск, 2001.

Внимание должно быть направлено прежде всего на механизм приближения к опасной черте, к критической границе выживаемости. Эти состояния важны как идеальные типы для формирования дуальных оппозиций, организующих культуру. Но их абсолютная социокультурная реализация утопична и опасна, несет угрозу катастрофы. По сути, именно за рамками чистой логики переходные состояния и являются единственной реальностью. В философии соответствующие идеи развиваются диалектикой, которая исходит из того, что “все есть становление”, все есть переходные процессы.

Это значит, что предмет рассмотрения науки смещается от разработки идеальной модели вроде модели последовательной смены общественно-экономических формаций, или рассмотрения предмета с позиций некоторого заданного идеала, например, равновесия (Г.Спенсер, В.Парето, Т.Парсонс), хотя такая задача не исключается. Большевизм показал образцы система-тического формирования таких идеалов в хозяйственной жизни, воплощаемых в народнохозяйственных планах. Они якобы опирались на науку, на трезвый утилитарный расчет, но фактически представляли собой утопии. Еще опыт Петра I показал, что можно согнать массы рабов и таким образом построить флот, прорыть канал и т.д., но суть дела не в этом, а в том, чтобы истребление ресурсов не подорвало основы человеческого существования, порождая нефункциональные, нежизнеспособные результаты. Цели большевизма представляли собой некоторый идеальный результат, который должен быть “любой ценой” достигнут на какую-то дату. При этом игнорировалась способность, возможность общества пройти путь между исходными и конечными точками, игнорировались последствия этих попыток для общества, могущих подорвать сами его основания.

Суть общественных процессов может быть выявлена лишь тогда, когда они дают сбои, а эффективность попыток регулировать их падает до угрожающей черты, до уровня социокультурной патологии. Здесь можно провести известную аналогию с изучением болезней. Наши представления о человеке были бы примитивны, если бы угроза болезней и смерти не стала важнейшим предметом изучения, точнее – если бы этих знаний не было вообще. Чтобы понять как происходит тот или иной процесс, нужно знать как он не происходит. Российское общество является идеальным объектом для исследования общественного субъекта через анализ отклонений его структуры

и функций к опасным состояниям, так как здесь они постоянны и подчас приобретают угрожающий характер, перерастая в катастрофу. В этом случае массовое стремление адаптироваться к собственной, снизившейся способности обеспечивать воспроизводство и выживаемость может приобрести характер социокультурной патологии, так как законсервируются процессы, несущие в себе угрозу необратимой дезорганизации. Среди многих проявлений социокультурной патологии в России²¹ важнейшей является недостаточная способность решать усложняющиеся проблемы, создавая для этого адекватные методы. Проблемы решались весьма архаичными методами, воспроизводившими древнюю ориентацию на экстенсивные и административно-силовые решения, между тем как постоянно возрастала жизненно важная необходимость повышать интеллектуальную составляющую решений.

Вечное становление неизбежно проявляется в культуре (со)обществ-субъектов, в их способности формировать программы, решения, отвечающие на вызовы истории. Это делает необходимым анализ (суб)культуры методами культурологии. Специфика ее подхода в том, что смыслы, все содержание мысли не редуцируется к их рассмотрению как “отражения объективной реальности, данной нам в ощущениях”, хотя проблема отношения смысла к внекультурной, неосвоенной реальности не может игнорироваться²². Задача культурологии – выявление своеобразной археологии смыслов, выявление тех прошлых смыслов, пластов культуры, которые несли противоречие, дуальные оппозиции, породившие изучаемый смысл. Например, смыслы большевистской идеологии, воспринимавшей мир как борьбу между социализмом и капитализмом, могут быть деконструированы до максимально простой дуальной оппозиции “мы – они”, то есть до архаичной культуры. Программы, решения субъекта, всегда, хотя и в разной степени, есть результат предшествующей истории. В этом смысле наша история всегда с нами. Она может быть глубоко скрыта в современных, казалось бы, самых новых смыслах. Культурология выявляет истоки смыслов, коренящихся в конкретных субкультурах, изучает инерцию смыслообразования, раскрывает содержание

²¹ Ахиезер А.С. Социокультурная патология в России и Европе // Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М., 2000.

смыслов, их аспектов как устойчивых продуктов человеческой истории, как результат выработки субъектом своего собственного культурного основания на определенном этапе истории. Люди не знают каких-либо смыслов, программ деятельности, решений, которые бы формировались не на основе той или иной (суб)культуры, не на основе тех или иных ранее сложившихся смыслов. Всякое формирование смыслов есть переосмысление. Культурология позволяет понять смыслы, проекты, решения как исторический процесс, как результат человеческой способности (иногда катастрофически недостаточной) устанавливать меру соотношения исторической инерции и ее критики на основе нового опыта, сдвигов в содержании модальностей, на основе нового уровня логики мышления.

В процессе поиска меры наука может постигать, осваивать исторический процесс в его относительной конкретно-исторической целостности, в противоречивом единстве его преемственности и изменений, инерции истории и ее критики. Тем самым в центр изучения ставится целостная деятельность субъекта, а переосмысление, смыслообразование становятся одной из ее проекций, ее аспектом, формой. Здесь предмет исследования уже выходит за рамки культурологии и представляет собой предмет социокультурной теории и методологии²³, которая, однако, включает все накопленное богатство знаний о культуре, весь потенциал культурологии. В этом процессе смысл питает деятельность освоенным и интерпретируемым историческим опытом, то есть культура переходит в деятельность. Предмет исследования социокультурной теории выявляется, когда поиски археологии смысла, деконструкция смысла выводят на предшествующие смыслы, дуальные оппозиции, а также на деятельность субъекта, формировавшего не только смысл, но и систему человеческих отношений, меру между культурой и отношениями.

Культурология как наука, нацеленная на анализ механизма формирования смыслов, ставит этот переход в центр исследования культуры, а следовательно, и человеческой деятельности. Важнейшая характеристика этого перехода – его направленность от старого смысла к новому. Движение может быть направлено и в противоположную сторону, к деконструкции смысла.

²² Ахиезер А.С. // Об особенностях современного философствования // Вопросы философии. – М., 1995, № 12; 1998, № 2; 1999, № 8.

Вектор этого движения выходит за рамки логики, за рамки культурологии. Основа вектора – *конструктивная напряженность*, т.е. деятельная способность субъекта совершать содержательный, напряженный переход от одного полюса дуальной оппозиции к другому, изменять самого себя, развивать способность к осмыслению и реализации этого перехода. Вся деятельность человека есть формирование множества конструктивных напряженностей и стремлений реализовывать их через программы, решения. Без конструктивной напряженности невозможен никакой переход и развитие соответствующих способностей. Способности могут проявлять себя как напряженное стремление от зла к добру или наоборот: от господства ценности статики к господству ценности динамики и наоборот и т.д. Конструктивная напряженность, как и соответствующая дуальная оппозиция, может иметь место между любыми элементами культуры, включая виртуальные, находящиеся в сфере возможности.

Формирование любой конструктивной напряженности опирается на существующие в обществе различия, имеющие как социальную, так и культурную форму. Чем слабее эти различия, тем слабее потенциал развития общества, тем больше напряжения требуется для осуществления изменений. Потенциал этот тем слабее, чем ближе общество к первобытному синкретизму или к его псевдоформам. История сословий в России в этом отношении дает интересный материал для анализа таких внутренних различий на разных этапах. «Московская Русь не знала сколько-нибудь последовательно и отчетливо выраженной культурной разнородности сословий. Даже воинское сословие, как правило, тяготеющее к обособленности и вознесенности над другими сословиями, носило на себе те же родовые черты, что и другие. При этом каждое из сословий объединяло с другими нечто третье, не присущее в отдельности ни одному сословию. Тон в Московском царстве задавало самое низшее сословие – крестьянство. По существу, оно растворило в себе и воинов-дворян-помещиков, и посадских людей, и высшую боярскую аристократию, в огромной степени даже духовенство и, наконец, самого московского царя. Его вполне допустимо рассматривать как первого и главного крестьянина царства, как царя-крестьянина – в том отношении, что царь по строю души и образу

²³ Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. – М., 2000. – № 9.

мыслей был прежде всего крестьянином, а потом уже всем остальным. Крестьянские черты в московских царях легко узнаются в бытовых подробностях царской жизни, во всей их повадке. И это тем более поразительно, что ценность как таковая неизменно тяготеет к преодолению крестьянскости²⁴. Здесь нет ничего удивительного. Страну, прежде всего государственную власть, можно рассматривать как находящуюся между двумя полюсами, в состоянии социокультурного напряжения. С одной стороны, мощные архаичные традиции, закрепленные на культурном, психологическом, социальных уровнях. С другой – жизненно важная потребность в росте массовой способности к изменениям, без чего государство вообще существовать не может. Общество оказалось недостаточно способным эффективно искать меру соотношения между этими полюсами, формировать соответствующую конструктивную напряженность. Иначе говоря, общество оказалось расколотым, что в процессе его усложнения несло угрозу дезорганизации не создавало предпосылок для цивилизационного выбора.

Для цивилизационного перехода нужна была достаточная мощная конструктивная напряженность, стимулирующая переход от ограниченных успехов к решающим. Не менее важно одновременное предотвращение или ослабление всех типов конструктивной напряженности, ведущих в противоположном направлении, ориентированном на силовую составляющую, на войну.

Протекание этих глубинных массовых процессов в конечном итоге носит определяющий характер для общества. От них зависит эффективность производства и политики. Никакое государство не добьется устойчивых, стратегических успехов, не учитывая в своих программах и решениях роли конструктивной напряженности в преодолении раскола и принятии эффективных решений.

²⁴ Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. – СПб., 2001. – С.527.